

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2022 г. Р. Ф. Степаненко

*Казанский (Приволжский) федеральный университет;
УВО «Университет управления «ТИСБИ»», г. Казань*

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.11.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные и репрезентируются современные методологические проекты исследований взаимодействия права и искусства. Культурологический подход, интегрирующий различные гуманитарные формы человеческой деятельности, в частности права и искусства, в единое исторически формирующееся пространство культуры, транслирует единообразие целей и задач, ценностей и нормативов, идей и образов, являющихся самостоятельными, но взаимосвязанными проводниками моделей поведения в ту или иную эпоху развития государственности. Внимание останавливается на обосновании принципов, подходов, методов, при помощи которых возможен синтез гуманитарных научных дисциплин в объяснении разнообразных видов взаимодействия права и искусства. Одним из вариантов методологического сопровождения исследований в данной сфере предлагается и социокультурный подход в изложении П. Сорокина, обосновываемый автором в работе «Социология и культурная динамика». Множественность современного методологического инструментария должна способствовать получению всестороннего, системного, достоверного и верифицируемого знания о взаимодействии права и искусства в стратегиях позитивного правового развития российской государственности.

Ключевые слова: право, искусство, методология, междисциплинарность, культурологический подход, культурная и социальная динамика.

Цитирование: Степаненко Р. Ф. Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований // Государство и право. 2022. № 1. С. 64–74.

DOI: 10.31857/S102694520018273-1

CULTUROLOGICAL APPROACH IN LAW: PROBLEMS OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

© 2022 R. F. Stepanenko

*Kazan (Volga Region) Federal University;
University of Management "TISBI", Kazan*

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

Received 26.11.2021

Abstract. The article examines traditional and represents modern methodological projects of research on the interaction of law and art. The culturological approach, which integrates various humanitarian forms of human activity, in particular law and art, into a single historically emerging cultural space, translates the uniformity of goals and objectives, values and norms, ideas and images that are independent, but interconnected conductors of behaviors in a particular era of statehood development. Attention is focused on the substantiation of the principles, approaches, methods by which the synthesis of humanitarian scientific disciplines is possible in

explaining the various types of interaction between law and art. One of the options for methodological support of research in this area is also proposed a socio-cultural approach in the presentation of P. Sorokin, justified by the author in the work "Sociology and cultural dynamics". The multiplicity of modern methodological tools should contribute to obtaining comprehensive, systematic, reliable and verifiable knowledge about the interaction of law and art in the strategies of positive legal development of Russian statehood.

Key words: law, art, methodology, interdisciplinarity, cultural approach, cultural and social dynamics.

For citation: *Stepanenko, R.F. (2022). Culturological approach in law: problems of interdisciplinary research // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 64–74.*

Современная постнеклассическая научная парадигма социогуманитаристики, в т.ч. философии культуры, искусствоведения, культурологии, философии и социологии права, правоведения и др., детерминирует процессы синтеза ранее почти автономных научных дисциплин в единое междисциплинарное пространство, генерирующее новые подходы, направления, способы, методы, принципы и средства исследовательской деятельности. Дискурсивные стратегии и многообразие рефлектирующей мысли исследователей выходят за пределы демаркационных линий жесткой научной дисциплинарности в целях получения нового знания. В условиях возрождения и сохранения традиционных подходов, используемых ранее, многомерное, системное и комплексное знание обогащает как конкретную научную дисциплину, так и взаимодействующую с ней в междисциплинарном толерантном и плюралистическом универсуме область познания.

Сила рационального и иррационального гуманитарного мышления в исследованиях права и искусства постепенно преодолевает сугубо позитивистские подходы в их изучении. Роль иррационального и метафизического в познании взаимодействия права и искусства ничуть не противоречит объяснению целеполаганий этих универсалий. При соблюдении условий целесообразности и приложимости абстрактных форм мышления к исследованиям данных уникальных и исторически эволюционирующих явлений рациональная сфера преобразуется в востребованном позитивном направлении.

Преодоление узкопозитивистских подходов, отождествляющих право с законом, а искусство с «ремеслом», иницируется динамикой современных общественных изменений и модификаций, в т.ч. правового и социокультурного опыта, объединённых целями и задачами права и искусства в достижении идеала, правда, разными способами. Одна из ключевых задач права сегодня — это установление социального порядка, правопорядка и обеспечение с помощью правовых средств благополучия человека, безопасности личности, общества и государства, а для искусства — духовно-нравственное, законосообразное и эстетическое движение к упорядоченному состоянию

человеческих отношений в сообществе и государстве, под средствами обеспечения которых подразумеваются художественные произведения, живопись, архитектура, театр, балет, музыка и другая творческо-культурная деятельность.

Схожее целеполагание права и искусства, учитывающих нынешние перспективы удовлетворения интересов личности, общества и государства, а также предвидение результатов научно-практических, духовно-нравственных, этических и эстетических и иных сфер в установлении объективного порядка, действительно транслирует единообразие замыслов данных гуманитарно-антропологических и социокультурных феноменов.

Рассуждая о новых методологических проектах в правоведении, Е.А. Фролова изучает единство задач при многообразии методов в юридической науке. В советское время, отмечает она, проблема философии и теории права не отличались ни в содержательном, ни в методологическом аспектах. Обращаясь к текстам правоведов дореволюционного периода (И.А. Ильина, Н.М. Коркунова, Б.А. Кистяковского, С.А. Муромцева, Л.И. Петражицкого, Е.Н. Трубецкого, Г.Ф. Шершеневича и др.), автор соглашается с Г.Ф. Шершеневичем в том, что «философия права даёт понятие о сущности права не для данного исторического периода или данной страны. Она ищет постоянное в сменяющемся»¹. На «междисциплинарном пограничье» возникла и социология права, оказавшись конкурентом классических социогуманитарных дисциплин. Процесс её формирования от социологии к юриспруденции, и наоборот, привёл к её пониманию как юридической отрасли знаний, сделав предметом своего внимания и «социальную среду правотворческой и правоприменительной политики», вскрывая «теневые» и «патогенные» стороны политико-правовой², социокультурной, социально-экономической и т.д. правовой реальности.

¹ Цит. по: *Фролова Е.А.* Теоретико-правовые науки: единство задачи при многообразии методов // *Государство и право.* 2020. № 4. С. 41.

² См.: *Жуков В.Н.* Социология права в России (вторая половина XIX — первая половина XX в.). М., 2015. С. 1–30.

Аналогично обстоит дело и с другими научно-образовательными дисциплинами (правовая психология, правовая конфликтология, антропология права, правовая культурология и т.д.). Проблема нивелирования их значения, надеемся, будет решена при формулировании новых научных паспортов в рамках обозначенной номенклатуры научных специальностей.

Преобразование методологии юриспруденции, в т.ч. юридической науки (юриспруденция понимается нами в синергии юридического образования, науки и практики), означает, по мнению Ю.А. Веденеева, смену гештальта, прежде всего методологического. Для нашей работы существенное значение имеют следующие положения автора: а) правовая система есть институционально и концептуально организованная в представлениях и символах, свойственных конкретно культурно-историческим эпохам, правовая реальность; б) эпистемические модальности и исторические модусы познания и существования права проявляют себя на пересечении воображаемого и фактического, ментального и социального; в) язык права выполняет когнитивную и коммуникативную функции одновременно, заключая в себе концептуальную и регулятивную грамматики, образуя, таким образом, общую «грамматику правопорядка», включая метафористическую и символическую конструкции; г) «право является объектом изучения широкого комплекса социально-гуманитарных наук... в общей системе категориальных и понятийных рядов социальных, политических и экономических наук»³. Значимость данных положений для исследования взаимодействия права и искусства демонстрирует перспективность методологической синергии.

Ретроспективный анализ методологических подходов в познании значения права, правовой реальности и искусства как части историко-культурного пространства, как общественных универсалий, как социокультурных ценностей останавливает своё внимание на работах правоведов и мыслителей русского зарубежья, и в первую очередь на научном наследии выдающего социолога и правоведа XX в. П. Сорокина. Культурные отличительные качества любого общества можно описать только лишь сквозь призму системы значения, нормы, ценности. Культурно-ценностные системы формируются под воздействием «двойственной» природы человека как существа чувствующего и мыслящего. Вписывая любого индивида в систему культурных ценностей и гармонизируя энергии людей на службу Истине, Красоте и Добrote, автор подчиняет почти всё «примату культурных

ценностей, ставя в один категориальный ряд право, искусство, образование, науку и т.д. во взаимном движении друг к другу и в близости их систем ценностей»⁴. Методологический посыл творчества, на котором мы сосредоточим внимание в дальнейшем, с высокой степенью вероятности будет использован нами в последующих исследованиях, важно, чтобы эта модель послужила движением к получению если не истинного, то достоверного и верифицируемого знания.

Итак, исследование схожих по предназначению и по способам реализации своих целей, в т.ч. путём отражения в своём содержании символических, знаковых и языковых и других средств, показывает, что два социокультурных феномена (право и искусство) сопровождают друг друга и взаимодействуют в ценностно-нравственном и этико-эстетическом отображении основ государственно-правовой реальности.

Мотивирование взаимодействия права и искусства через общепринятую в методологии юридической науки схему с добавлением контентов культурологического подхода отображает тенденции «переставления исследования на новые основания» (М. Хайдеггер). Методологически важно определить, что есть основания взаимодействия права и искусства, которые онтологически наблюдаемы и, как представляется, гносеологически объяснимы. Например, самым ярким примером искомого взаимодействия в истории российской государственности видится эпоха революционных преобразований начала XX в. Пропаганда революционного правосознания и революционной совести сопровождалась мощным идеологическим движением, в котором искусство занимало одно из доминирующих значений для правообразования того периода. Существовали целые ассоциации художников, поэтов, композиторов, архитекторов и других деятелей культуры, воплощавших образ революционного права в своём творчестве и репрезентировавших победоносный опыт революционных преобразований.

В.И. Лениным объяснялась необходимость популяризации опыта первой Французской революции как образца созидательной деятельности «сознательных рабочих и трудящихся», на который реагировали и советская наука и искусство (П.А. Кропоткин «Великая французская революция 1789—1793 г.» и др.); городская топонимика (улица Марата, Набережная Робеспьера), средства массовой информации («Живая газета», «Синяя блуза» и др.), мода (красная косынка, кожаная куртка и др.); симфоническая музыка являла свою

³ Веденеев Ю.А. Смена гештальта: юриспруденция в эпоху перемен // Государство и право. 2021. № 1. С. 7—19.

⁴ Согомонов А. Ю. Судьбы и пророчества Питирима Сорокина: [предисловие] // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 15—17.

идеологию революционной культуры (Н.Я. Мясковский, А.Ф. Пашенко и др.) и т.д. То есть т.н. жанровая диспозиция начального этапа советской эпохи (1917–1921) «служила воспеванию завоеваний французской революции». Позднее к этим процессам присоединился кинематограф («Броненосец Потёмкин», «Ленинская киноправда», «Симфония Донбасса», «Стачка», «Мать», «Коммунист» и др.), оперное искусство (оперы «Декабристы», «Серп и Молот» и др.), скульптура (памятники Ленину и его многочисленным соратникам и сподвижникам), поэзия (А. Блок «Двенадцать», стихотворное творчество В. Маяковского, В. Брюсова, Р. Ивнева и др.), проза (М. Горький, А. Веселов, В. Чернов, Н. Островский)⁵ и иные виды искусства, чьи авторы вольно или невольно присоединились к идеологическому напору революционных и постреволюционных событий российской истории, отображая в той или иной мере искусство авангарда и новую модель зарождавшейся культуры. Культурологические основания изменения природы права той эпохи отразились и в юридической науке, опять-таки вольно или невольно принципиально меняющие основания права, что проявилось в научном творчестве учёных-юристов рассматриваемого периода.

В.С. Нерсисянц, анализируя и обосновывая концепцию «пролетарского права», исследует творчество новаторов процесса правообразования (Д.И. Курский, П.И. Стучка, М.Д. Козловский, Е.Б. Пашуканис и др.), которое, по мнению автора, объясняет собой формирование «около-права» или «неправа». В.С. Нерсисянц, обосновывая и подчеркивая историческую значимость бытия и существования права, протекающего в русле «общекультурного формирования человека и человеческого рода», отмечал: «Право, как культурный феномен — часть общечеловеческой культуры... <...>. Правовую культуру можно назвать “второй природой” (второй натурой) права...»⁶.

Примечательно, что наследие акад. В.С. Нерсисянца, обсуждаемое современным научным сообществом правоведов на философско-правовых чтениях, посвящённых его памяти, обращает на себя внимание и вызывает научный интерес к междисциплинарной тематике взаимодействия права и искусства. Одним из сборников, в которых обозначенная проблематика трансформируется в социокультурное пространство нарративов о праве и литературе, является «Право и литература»⁷, за

что отдельная благодарность проф. В.Г. Графскому как организатору и составителю научных трудов современных ученых-юристов.

Культурные онтологические, гносеологические и онтологические основания права так же, как и основания искусства, в зависимости от изменений не только государственно-политического, но и цивилизационного характера, циклично испытывают кризисные состояния. Еще в 1927 г. в работе «Бытие и время» М. Хайдеггер обращал внимание на ситуации «кризиса оснований таких наук, как математика, физика, биология, историография, теология и др.». Автором отмечалось, что «бытие есть каждый раз бытие сущего. Вселенная сущего может по своим разным сферам стать полем *высвечивания и очерчивания* определённых предметных областей. Последние, напр. история, природа, пространство, жизнь, присутствие, язык (право и искусство. — Р.С.) и т.п., со своей стороны позволяют в соответствующих научных разысканиях *тематизировать себя в предметы*. <...>. Возникшие так “основопонятия” оказываются ближайшим образом путеводными нитями для первого конкретного размыкания области. <...>. Собственное “движение” наук развёртывается в более или менее радикальной и прозрачной для себя самой ревизии основопонятий»⁸. В этом положении становится очевидной и явной задача *развития предмета* изучения права и искусства, обозначенная нами ранее при обосновании междисциплинарного дискурса. В перманентно дрейфующей научно-исследовательской модальности, зависящей от цикличной культурной и управленческой парадигмы.

Гносеологические концепты современной социогуманитаристики, действительно, «разрывают» границы объекта познания большинства научных дисциплин путём внутри и межнаучных коммуникаций, рефлексий, дискурсов, нарративов и др. Такое коммуницирование формирует преимущественно неэклетичное новое знание. Здесь важно соотносить или синхронизировать сопредельные сферы познания цикличности правокультурной парадигмы, для чего использование метода синхронизации может способствовать уяснению как прямых, так и обратных связей и коммуникаций права и искусства в тот или иной период. Диахронный метод позволит с разных позиций (возможно, и диаметрально противоположных) осмотрительно использовать принципы и законы диалектики, в частности «отрицания отрицания» или же «единства и борьбы противоположностей». Ведь диалектика методологически себя не

⁵ См.: Революция и культура: сквозь призму времени / отв. ред. Н.Б. Кириллова. Екатеринбург, 2017.

⁶ Цит. по: там же. С. 43.

⁷ Право и литература: материалы восьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М., 2014.

⁸ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. и примеч. В.В. Библихина. М., 1997. С. 9.

исчерпала и является точкой роста новых научных знаний, отмечал В.П. Кохановский⁹.

Исследование взаимодействия права и искусства в установке «сообщаемости» и «совместности», имманентно присущих процессам эволюции социокультурной среды, изучается философией. С.А. Азаренко описывает «собираемость» как вмещающую в себя определённую историческую общность людей, действующих в различных местностях и совместностях. Эта «сообщаемость» не представляется возможной без языка и знаков, присутствующих во «всём облике человеческого бытия». Например, речь, складывающаяся из совместного характера этого бытия, обеспечивает «сообщаемость» и взаимодействие¹⁰. В свою очередь, сообщаемость и совместимость невозможны вне «слышания», «видения», «ощущаемости», «осязаемости», инициирующих символическую совместность бытия (в частности, права и искусства).

Символы, выступающие в роли форм, указывающих на ценности, смыслы и нормы соответствующих взаимодействий, с точки зрения В.А. Бачинина, можно классифицировать по своему назначению и характеру на: а) коммуникативные (взгляды, жесты, ритуалы, этические правила и др.); б) научные (буквы, знаки, цифры, формулы и др.); в) художественные, проявляющиеся в искусстве (живопись, музыка, поэзия, литература и др.); г) политические — находящиеся на службе государственных институтов; д) метафизические (философские, религиозные и др.)¹¹. Живя в природном, духовном и социокультурном мире, человек через эти символы познаёт, усваивает, воспринимает (или наоборот) проявления Справедливости, Правды, Добра, транслируемые нам искусством и правом.

Теория познания, изучая значение знаков и символов в метафизике лингвистической философии, как пишет Э.А. Тайсина, в трансфере лингвистического поворота результирует осмысление «языка» и «мира» как «зеркальной пары». В исследованиях наличного и человеческого разговорного и естественного понимания игры языка и мира они подводят к выбору той или иной модели поведения, которая демонстрирует особенности человеческого мышления суть «непосредственной действительности мысли» (К. Маркс). Гносеология усматривает предмет исследования «во всех трёх “силах” сознания: разуме, чувстве, воле к действию, и вместе они “сработают” в мире, в котором обретается

целостность человека как существа, чья жизнь совпадает с познанием»¹².

Изучая взаимодействие права и искусства в синергии онтологического и гносеологического, близко подводящей к истине, означающей в разных пониманиях последней веру, общее признание, пользу, доказуемость или верификацию выводимых положений, для науки «обнажается» проблема выбора наиболее успешного методологического инструментария (традиционного и новаторского). Снятие возможной эклектичности в обосновании и получении новых знаний о взаимодействии права и искусства зависит не только от интуиции и активности поиска методологических инструментов познающим субъектом. Здесь важно обнаружение действенных методологических средств, процедур и принципов, приближающих к истине. Верификация как процедура (принцип) в позитивистском смысле — догма, фиксирующая данные непосредственного опыта для подтверждения высокой доли истинности вероятностных суждений при помощи формальной логики, в основу верности своих действий обозначает роль «проверяемости» знаний. Позднее принцип верификации был обоснован в качестве идеи «возможной проверяемости» (верифицируемости), где её средством опять-таки остаётся эмпирическая доказуемость исследуемых проблем при помощи индукции. В противопоставление «верифицируемости» знания К. Поппер предлагает применить «фальсификацию» отказа от проверяемости теории, установления её истинности путём опровержения за счёт популяризации теоретического, а не опытного знания, придания статуса научного значения метафизике. Такой методологический ориентир позволит, на наш взгляд, существенно обогатить познание взаимодействия права и искусства. Ведь опровержение в предельных границах критической аналитики только способствует укреплению авторских позиций в «свободной от принуждения» методологической стратегии.

Следует отметить, что отказ от методологического принуждения, который послужил точкой отсчёта для междисциплинарных исследований, тем не менее не означает отказ от традиционных принципов, способов, средств и подходов в развитии познания. Смыслы, возникающие в связи с констатацией нашего предмета исследования, понуждают конкретизировать тот методологический конструкт, где и верификация, и фальсификация могут способствовать удовлетворению интересов и догматической, и фундаментальной юриспруденции, особо не нарушая границ познания юридических наук в целом.

⁹ См.: Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания). Ростов н/Д., 2005. С. 300.

¹⁰ См.: Азаренко С.А. Антропологические практики современности: онтология сообщаемости и совместности // Фонарь Диогена. 2015. № 1. С. 72–90.

¹¹ См.: Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 786.

¹² Тайсина Э.А. Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. СПб., 2013. С. 336–390.

Подчеркнем, что интерпретация предмета исследования юриспруденции в науке претерпевает непростую ситуацию в связи с формирующимися контурами новой социогуманитарной научной парадигмы, а именно релятивистской эпистемологии, как отмечалось, объясняющей изменчивость (относительность) знаний, а стало быть, изменчивость и предметов изучения. В частности, это важно в изучении факторов взаимодействий материальных и духовных феноменов в проблемно-рациональной и иррациональной их интеграции. Особенно непростым является процесс «включения личностного и экзистенциального» опыта в содержание исследования, учитывая традиционализм и консерватизм юридической науки в диапазоне её устоявшейся методологии. Фактически движение от традиционной методологической конструкции социального познания проблем человека на пути к его трансцендентальным особенностям, ценностно-мировоззренческим установкам и предпочтениям, с одной стороны, существенно усложняет определение предмета. С другой — облегчается процесс полноценного обоснования правовых и связанных с ними иных социальных, культурных, экономических, политических явлений. Впрочем, «каждая рациональная теория (научная или философская), по Попперу, рациональна в той мере, в какой пытается решить определённые проблемы. <...>. Предмет или разновидности вещей не создают основы для различения дисциплин. *«Мы исследуем не предмет, а проблемы. Проблемы же способны пересекать границы любых дисциплин и их предметов»* (курсив наш. — Р.С.)»¹³.

К. Поппер прав. Если же переадресовать его фундаментальные положения к трудам ученых-правоведов, отмечает В.Н. Жуков, то видится, что истинно правовые проблемы всегда возникают из проблем, появляющихся вне права, чутким к которым должен быть исследователь в правовой науке¹⁴. Главное даже не решить, а обнаружить данную проблему (А. Эйнштейн), которая, по Попперу, лежит вне предметов исследования конкретных наук и детерминирована иными соприкасающимися в системе культуры с правом феноменами.

Долгое время вопросы несколько упрощённо, на наш взгляд, взаимодействия права и культуры, в т.ч. искусства, не вызывали значительного интереса правовой науки, тем более юридической практики. Ретуширование таких проблем, полагаем, связано с «падением спроса» в «обществе потребления» на нематериальные, прагматичные и не

приносящие материальной выгоды ценности. Тем не менее правовая и социогуманитарная мысль, находясь в поиске оснований объективного, социального и правового порядка, обращалась и обращается в науке к первоосновам (первоосновам) той духовной, интеллектуальной, ценностно-нравственной атмосферы, в пространстве которой только и могут состояться такие социокультурные феномены, как право и искусство. Веру в Добродетель этих «рукотворных произведений» человечество связывало и связывает с их «жизнью» и развитием для самого человека. Многие надежды и мечты общественного, социального и экзистенциально окрашенного, сокровенного возлагались и возлагаются на искусство.

Как было отмечено ранее, один из представителей серебряного века русской культуры в гуманитарной науке (философия, история, культурология, право, социология и т.д.), удивительно чутко и прогностически предугадывавший и научно аргументировавший кризисность мировоззрения и культуры для человеческого бытия в разные эпохи, выстроил собственный методологический универсум ориентиров, при помощи которого (с отдельными допущениями и идеализациями) возможно исследование искомой нами проблематики.

Известная концепция П. Сорокина о трёх типах культур (идеациональная, чувственная и идеалистическая) с исключительно интересной методологией авторской её интерпретации, встроенной в контексты интегральной философии, весьма удачно экстраполируется и в правовую науку, и в философию культуры, искусствоведение, теорию искусств и т.д. Триада культур, две из которых (идеациональная и чувственная) различаются системой представлений, достижения истины, основываются на собственной философии, образах, святости, нравах, законах, политической и экономической организации, собственной ментальности, а также специфическом историческом типе человеческой личности. Если предельно сжато обрисовать эти два типа, то в *идеациональной культуре* реальность понимается как воспринимаемое нематериальное, нечувственное, непреходящее бытие, где цели и потребности, как правило, всегда духовны, преобладает аскетический минимализм «плотских погрешностей» вплоть до отказа от них; «растворение» индивидуальной «самости» в духовности, приближенности к Богу и активном служении религии, то *чувственная культура* относит к реальности: физические потребности, их удовлетворение с помощью преобразований внешней среды неорганического и органического вида (медицина, технологии и т.д.); осуществление преобразований «не путём преобразования себя», а путём «паразитической» эксплуатации и утилизации внешней

¹³ Жуков В. Н. От методологического эссенциализма к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историцизма // Государство и право. 2020. № 10. С. 40. DOI: 10.31857/S102694520012229-2

¹⁴ См.: там же.

реальности¹⁵. П. Сорокин воплощением чувственной культуры также называет Циничную чувственную ментальность, подчеркивая: «Цивилизация, где преобладает этот тип ментальности, в поисках средств удовлетворения своих потребностей использует своеобразную технику попеременного надевания тех идеациональных масок, которые сулят принести материальную выгоду»¹⁶. Наконец, смешанные типы культур и ментальности представляют собой порой эклектичное, порой противоречивое, но интегрированное пространство, в котором всё-таки материальные цели подчинены духовным. Данный тип культуры (идеалистическая культура), наиболее высоко оценённый самим автором, в то же время фактически не обретает самостоятельности в научном изложении самого П. Сорокина¹⁷. Для правовой науки, коль скоро в теории социальной и культурной динамики П. Сорокина выделены три вида культур (есть, правда, ещё и эклектический вид), вполне представляется возможным, на наш взгляд, предложить и три типа (типологии) права (правопонимания), в дальнейшем остановив внимание и на четвёртом — эклектическом виде права (правопонимания). Такой опыт в правовой науке имеется. В частности, В.А. Бачининым рассматриваются идеациональное и чувственное право¹⁸, что стимулирует к дальнейшему развитию идей П. Сорокина. В свою очередь, интеграция права в общую конгломерацию культуры предполагает схожую классификацию самого права.

Следуя логике П. Сорокина в рассматриваемой теории, учитывая «логико-смысловую интеграцию культуры» как высшей формы интеграции, смысловое единство фрагментов в гармоничности и последовательности всего целого (высшего единства), взаимосвязь права и искусства, которую, вероятно, «не всегда можно “описать с помощью словесного” анализа...»¹⁹, предполагает не только выявление их прямых и обратных связей в культурологическом подходе, но и в иных аспектах (психологическом, идеологическом, экономическом и др.). Кстати, и нормативизм Г. Кельзена в познании синергических эффектов взаимодействия права и искусства становится полезным для совершенствования нормативной сферы.

Взаимосвязь права и искусства при помощи предложенных П. Сорокиным методологических средств (причинно-функциональное и логико-смысловое) позволит уяснить их цели и задачи

в установлении порядка (объективного, социального, право- и законопорядка²⁰). Имея в виду, что упорядочивание личностных, общественных с государством или государства с общественными и личностными есть цель любого социокультурного феномена (в идеале). Система ценностей, и целеполаганий права и искусства, однако, дана и может существовать только там, как резюмировал П. Сорокин, «где есть разум и смысл»²¹.

Аксиологические воззрения на единство целей права и искусства на пути к формированию желаемого порядка объясняются не только и не столько эмпирически осязаемым опытом, но и ценностями абсолютного характера. Относительные же ценности, характерные для специфики того или иного исторического периода или вида деятельности и др., остаются важными там и тогда, когда требуется преобразование общественных, в т.ч. правовых, отношений. Телеология ценностей отличается как абсолютно, так и относительно ценностным содержанием, подчёркивает О.Ю. Рыбаков, «опредмечиваясь посредством ценностей рационально-утилитарного характера, сближаясь с идеалом, заложенным в цели»²², ценности права могут быть как абсолютными, так и относительными.

Если абсолютной ценностью и права, и искусства являются Добро, Справедливость, Правда и другие высшие идеалы человеческого сообщества, то эпистемология добродетели возвращает нас к этическим учениям предмодерна Аристотеля, Фомы Аквинского, основывающихся не на понятии «должного», а на категориях «счастье» и «добродетель».

Как отмечает А.Р. Каримов, «по-русски — добродетель — это прежде всего превосходные моральные качества»²³, которыми должны особенно отличаться и право, и искусство, фундирующие социокультурные и духовно-нравственные основы Российского государства. Помимо сказанного и исследователь (субъект атрибуции знания), будучи своего рода экспертом в познаваемой сфере, должен быть «интеллектуально добродетельным» человеком. Эпистемология добродетели разделяет эмоции, в т.ч. исследователя, на когнитивные и некогнитивные. К первым относятся интерес, надежда (ужас) и т.д., к некогнитивным — печаль, страх, радость, восторг

¹⁵ См.: Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., 2006. С. 61–66.

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ См.: там же. С. 13.

¹⁸ См.: Бачинин В.А. Указ. соч. С. 34, 35, 1029–1031.

¹⁹ Сорокин П. Указ. соч. С. 41.

²⁰ См.: Степаненко Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. 2020. № 6. С. 79–89.

²¹ Сорокин П. Указ. соч. С. 47.

²² Рыбаков О.Ю. Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческие предпосылки толкования права // Образование и право. 2017. № 2. С. 97.

²³ Каримов А.Р. Эпистемология добродетелей. СПб., 2019. С. 22.

и др.²⁴ К этому одинаково причастна и правовая, и философская мысль, что делает их схожими с точки зрения возможности воздействия или управления человеческим сознанием и поведением, понимания ценности собственной и чужой жизни.

Методологическая проекция знаниевого комплекса рассматриваемой проблемы, учитывая высокую степень востребованности практической отдачи от науки, будет не полной без указания на праксеологическую компоненту предметного поля исследования. Праксеология в нынешние времена понимания методологии как способа организации и построения теоретической и практической деятельности как нельзя кстати наиболее предметно объясняет и обосновывает идею практического видения и отношения к действительности. При изучении взаимодействия права и искусства в достижении ими поставленной цели рационально и целесообразно объяснить и с позиций стратегий развития российской государственности. Озвученная на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 20 октября 2021 г. Президентом РФ В.В. Путиным идея разумного, умеренного, здорового консерватизма, которая должна развиваться общими усилиями вопреки цивилизационному кризису в мире, наиболее рациональным способом в эпоху исчерпавшей себя модели капитализма определяет возрастание морали и нравственности²⁵. Как социокультурным феноменам (право и искусство), отражающим Справедливость, Правду, Добродетель, такие послы по духу и смыслу близки в исторических и цивилизационных контекстах в религиозные и светские эпохи функционирования государства.

Одна из важнейших проблем современного теоретического правоведения — правопонимание — в уяснении взаимосвязей права и культуры, в т.ч. искусства, обращает взгляды исследователей на теологическую парадигму, предшествующую научной парадигме рационализма. Особенностью российского правопонимания всегда (почти всегда) была его религиозная первооснова, вера в высшую силу права, его божественное предназначение, которое не потеряло своей глубинной сути по сей день.

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в одной из своих работ²⁶, разъясняя значение внесённых в Конституцию РФ поправок, пишет о конституционной идентичности

и важности положений ч. 2 ст. 67.1, устанавливающей: «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога..., признаёт исторически сложившееся государственное единство»²⁷. Так, как его объясняли великие русские мыслители и философы права и религиозные философы (А.Н. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, С.Н. Трубецкой, Г.П. Федотов, С.Л. Франк и др.). Развиваясь в рамках в основном нормативного православного религиозного сознания, как мы обобщивали, правовая теология (теология права)²⁸ возвращает и направляет исследователей к поиску абсолютных ценностей современного права, его нравственных смыслов в его первоосновах. «А всё относительно... мораль, наука, искусство, право национальностей и т.д... обретает свою ценность лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения» (С.Л. Франк)²⁹.

Идея спасения через соблюдение нормативно-религиозных запретов, уважение к духовной Родине через веру в Божью волю (начиная с творений ангельского доктора Фомы Аквинского) неизменно присутствуют как и ранее, так и ныне в науках о праве и об искусстве. Об этом увлечённо писал П. Сорокин, чью фундаментальную мысль об изучении права и искусства (идеациональная, чувственная и идеалистическая формы) в логико-методологической, синхронизированной и диахронической целостности культуры мы заимствуем для изучения рассматриваемой нами проблемы.

В то же время, обращаясь ко всеобщему (философскому) методологическому подходу, в частности, философской доктрине идеализма, в одном случае (объективный идеализм) в гегельнской трактовке мы видим понимание искусства как «абсолютного духа», а права — как «объективного духа». В субъективном же идеализме они снова становятся рядоположенными «точками отсчета бытия», такими, какими право и искусство воспринимаются человеческим сознанием, что представляет иную методологическую проекцию изучения взаимодействия права и искусства, которую также можно использовать в исследованиях.

²⁴ См.: Каримов А.Р. Указ. соч. С. 4, 232.

²⁵ См.: Заседание дискуссионного клуба «Валдай»: Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай»: 21.10.2021 // Официальный сайт Президента РФ // <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>

²⁶ См.: Зорькин В.Д. Под знаком Основного Закона: Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // Росс. газ. 2021. 28 окт. С. 9.

²⁷ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

²⁸ См.: Khazoeva N. O., Khaziev A. K., Klyushina E. V., etc. Marxism in the modern world: social-philosophical analysis // Utopia y praxis latinoamericana. 2019. No. 24 (1). P. 51–56.

²⁹ Цит. по: Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013. С. 8.

Резервы современного методологического инструментария, традиционно используемого в гуманитарных науках, в т.ч. теоретическом правоведении, могут и должны дополняться и приумножаться. Возможно, на наш взгляд, применение принципа пролиферации (П. Фейерабенд) – «допустимо всё», с уточняющей оговоркой самого автора об альтернативных методах исследования «ритуально» и «необходимо» приложимых к той или иной научной дисциплине. Постпозитивизм во взглядах П. Фейерабенда своеобразно (для позитивизма) подчёркивает: «Опыт возникает вместе с теоретическими допущениями, а не до них, и опыт без теории столь же немислим, как и (предполагаемая) теория без опыта»³⁰. Вместе с тем, объединяя право и искусство в единую целостность культуры и теоретически, и эмпирически, нельзя не признать важности положений часто критикуемого по разным причинам творчества П. Фейерабенда о том, что «реку можно разделить национальными границами, но она останется непрерывной сущностью»³¹, что согласуется, по нашему мнению, с философской онтологической максимой «всё есть одно».

Однако и частнонаучные уровни методологической проекции изучения взаимосвязи права и искусства также сталкиваются с традиционными проблемами традиционного меж- и внутринаучного дисциплинарного характера. Расширение и развитие методологии современной юридической науки всё настойчивее приобретает роль путеводителя в континуум междисциплинарности при постановке актуальных ныне исследовательских идей, гипотез и проблем. В частности, формула теоретико-исторических правовых наук представляет исследователю возможность и даже инициирует процессы развития своего предмета изучения путём применения методологических подходов, принципов, методов и средств социогуманитаристики. Такая ориентация в междисциплинарность, в частности, при обосновании методологических предпочтений для познания взаимодействия права и искусства фокусирует наше внимание на таких областях социогуманитарного знания, как философия (философия культуры, эстетика, онтология и теория познания); исторические науки (историография, источниковедение, методы исторического исследования); социология (социология культуры, социальная структура, социальные институты и социальные процессы); искусствоведение и культурология (теория и история культуры и искусства, виды искусства с указанием конкретного искусства); педагогика (теория и методика обучения и воспитания); политология (государственное управление и отраслевые политики); психология (общая психология,

психология личности, история психологии, социальная психология, юридическая психология и психология безопасности) и, конечно, юриспруденция (теоретико-исторические правовые науки) – прежде всего, а также публично- и частноправовые науки, уголовно-правовые и международно-правовые научные специальности.

Вводимые новации в номенклатуру научных специальностей, в частности блок когнитивных наук (5.12), характеризует, однако, двойственное отношение к процессу объективации и обоснования необходимости междисциплинарных исследований. С одной стороны, развитие когнитивистики возлагает большие надежды на синтез теории познания с когнитивной психологией и изучением невербальных коммуникаций, аккумулирующих в себе познание человеческого мышления и сознания, в т.ч. посредством изучения символической информации, что имеет серьёзное значение при изучении взаимодействия права и искусства. С другой стороны, эта научная дисциплина в рассматриваемой номенклатуре адресована и апеллирует к философским и психологическим наукам, не замечая исследований правового сознания, правовой культуры в юридической науке.

С чем связано такое решение ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, исключаяющее, в частности, правоведение из междисциплинарного континуума новых наук когнитивного содержания? Представляется, что принятие такого решения вызвано рядом обстоятельств: сохранение традиционных позиций специализации и удержание их; намеренное / ненамеренное сужение предмета исследования юридической науки; нежелание или невозможность выйти за рамки юридического позитивизма, что во многом не способствует т.н. апгрейду (перезагрузке) методологии правоведения.

Второй проблемой предложенной номенклатуры научных специальностей является значительное нивелирование методологических вопросов. В частности, понятие «метод» употребляется только в блоке «исторические науки» и обозначен в специальности 5.6.5 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Такое решение видится не вполне обоснованным, как и в отношении всех гуманитарных наук, особенно в научной сфере – «Когнитивные науки» (5.12).

К третьей проблеме следует отнести неопределённость положения таких важных для юриспруденции дисциплин, как философия и социология права, антропология права и правовая психология, правовая конфликтология и многих других дисциплин, которые давно и, полагаем, успешно задействованы в образовательном и научном процессах. Например, исследуя особенности философско-правовой методологии, О.В. Мартышин отмечает

³⁰ Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки / пер. с англ. и нем.; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарский. М., 1986. С. 310.

³¹ Там же. С. 308.

юридическую природу философии права, где «предельные основания» представляют собой факторы, посредством которых и определяется его (права) юридическая природа. Автор акцентирует внимание на критике взглядов отдельных правоведов на философию права и подчёркивает, что ценность всевозможных методологических подходов состоит не в них самих, а в получении позитивных для юриспруденции результатов³².

* * *

Таким образом, процессы сменяемости и развития научных, идеологических, методологических, духовно-нравственных и других парадигм, в которых пребывает сегодня эпистемологическая сфера, существенно модифицируют и расширяют горизонты организации и построения знаниевого комплекса о человеке в его социокультурном, биопсихологическом, экономическом, политическом, правовом и этическом диапазонах отражения культуры. Социокультурный и культурологический методологические подходы изучения права и искусства в построении стратегии развития правового социального государства сквозь призму взаимодействия и взаимопроникновения культуры в человеческое бытие, и наоборот, способствуют формированию новых концепций, объясняющих сложность пре-бытия духовного и нравственного в практику, в т.ч. правовую, человеческой жизнедеятельности. Усвоив онтологическую истину «всё есть одно» и гносеологическую установку философии «сомневайся», минимизация рассмотренных методологических проблем через междисциплинарность даёт робкую надежду на благополучный исход в исследованиях современных отчуждённых состояний человека в праве и искусстве. Видится, что не только «искусство в большом долгу перед народом», но и право, конечно. В этой связи вопросы взаимодействия права и искусства становятся актуальными для отечественной социогуманитаристики, расширяющей свои методологические горизонты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азаренко С.А.* Антропологические практики современности: онтология сообщаемости и совместность // *Фонарь Диогена*. 2015. № 1. С. 72–90.
2. *Бачинин В.А.* Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 34, 35, 1029–1031, 786.
3. *Веденеев Ю.А.* Смена гештальта: юриспруденция в эпоху перемен // *Государство и право*. 2021. № 1. С. 7–19.
4. *Жуков В.Н.* От методологического эссенциализма к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историзма // *Государство и право*. 2020. № 10. С. 40. DOI: 10.31857/S102694520012229-2
5. *Жуков В.Н.* Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013. С. 8.
6. *Жуков В.Н.* Социология права в России (вторая половина XIX – первая половина XX в.). М., 2015. С. 1–30.
7. *Зорькин В.Д.* Под знаком Основного Закона: Конституционный суд на рубеже четвертого десятилетия // *Росс. газ.* 2021. 28 окт. С. 9.
8. *Каримов А.Р.* Эпистемология добродетелей. СПб., 2019. С. 4, 22, 232.
9. *Кохановский В.П.* Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания). Ростов н/Д., 2005. С. 300.
10. *Мартышин О.В.* Обоснованность философско-правовой методологии // *Государство и право*. 2016. № 6. С. 20–30.
11. *Право и литература: материалы восьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсисянца* / отв. ред. и сост. В.Г. Графский. М., 2014.
12. *Революция и культура: сквозь призму времени* / отв. ред. Н.Б. Кириллова. Екатеринбург, 2017. С. 43.
13. *Рыбаков О.Ю.* Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческие предпосылки толкования права // *Образование и право*. 2017. № 2. С. 97.
14. *Согомонов А.Ю.* Судьбы и пророчества Питирима Сорокина: [предисловие] // *Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество*. М., 1992. С. 15–17.
15. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. М., 2006. С. 13, 41, 47, 61–66.
16. *Степаненко Р.Ф.* Справедливость и законпорядок: теоретико-методологический аспект // *Государство и право*. 2020. № 6. С. 79–89.
17. *Тайсина Э.А.* Теория познания. Интродукция и рондо каприччиозо. СПб., 2013. С. 336–390.
18. *Фейерабенд П.* Избр. труды по методологии науки / пер. с англ. и нем.; общ. ред. и вступ. ст. И.С. Нарский. М., 1986. С. 308, 310.
19. *Фролова Е.А.* Теоретико-правовые науки: единство задачи при многообразии методов // *Государство и право*. 2020. № 4. С. 41.
20. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. и примеч. В.В. Библихина. М., 1997. С. 9.
21. *Khazoeva N. O., Khaziev A. K., Klyushina E. V., etc.* Marxism in the modern world: social-philosophical analysis // *Utopia y praxis latinoamericana*. 2019. No. 24 (1). P. 51–56.

³² См.: *Мартышин О.В.* Обоснованность философско-правовой методологии // *Государство и право*. 2016. № 6. С. 20–30.

REFERENCES

1. *Azarenko S.A.* Anthropological practices of modernity: ontology of communicability and compatibility // *Lantern of Diogenes*. 2015. No. 1. P. 72–90 (in Russ.).
2. *Bachinin V.A.* Encyclopedia of Philosophy and Sociology of Law. SPb., 2006. P. 34, 35, 1029–1031, 786 (in Russ.).
3. *Vedeneev Yu. A.* Change of gestalt: jurisprudence in the era of change // *State and Law*. 2021. No. 1. P. 7–19 (in Russ.).
4. *Zhukov V.N.* From methodological Essentialism to Totalitarianism: Karl Popper's Unfinished Dispute with Plato. Plato's epistemology and the theme of historicism // *State and Law*. 2020. No. 10. P. 40. DOI: 10.31857/S102694520012229-2 (in Russ.).
5. *Zhukov V.N.* Russian Philosophy of Law: from rationalism to mysticism. M., 2013. P. 8 (in Russ.).
6. *Zhukov V.N.* Sociology of Law in Russia (second half of XIX – first half of XX century). M., 2015. P. 1–30 (in Russ.).
7. *Zorkin V.D.* Under the sign of the Basic Law: The Constitutional Court at the turn of the fourth decade // *Ross. gas*. 2021. 28 Oct. P. 9 (in Russ.).
8. *Karimov A.R.* Epistemology of virtues. SPb., 2019. P. 4, 22, 232 (in Russ.).
9. *Kokhanovsky V.P.* Philosophical problems of social and humanitarian sciences (formation, features and methodology of social cognition). Rostov n/D., 2005. P. 300 (in Russ.).
10. *Martyshin O.V.* The validity of philosophical and legal methodology // *State and Law*. 2016. No. 6. P. 20–30 (in Russ.).
11. Law and literature: materials of the eighth philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersisyan / ed. and comp. V.G. Grafsky. M., 2014 (in Russ.).
12. Revolution and Culture: through the prism of time / ed. by N.B. Kirillov. Yekaterinburg, 2017. P. 43 (in Russ.).
13. *Rybakov O. Yu.* Type of legal understanding as value-ideological prerequisites for the interpretation of law // *Education and Law*. 2017. No. 2. P. 97 (in Russ.).
14. *Sogomonov A. Yu.* Fates and prophecies of Pitirim Sorokin: [preface] // Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. M., 1992. P. 15–17 (in Russ.).
15. *Sorokin P.* Social and cultural dynamics. M., 2006. P. 13, 41, 47, 61–66 (in Russ.).
16. *Stepanenko R.F.* Justice and law order: theoretical and methodological aspect // *State and Law*. 2020. No. 6. P. 79–89 (in Russ.).
17. *Taisina E.A.* Theory of cognition. Introduction and rondo capriccioso. SPb., 2013. P. 336–390 (in Russ.).
18. *Feyerabend P.* Selected works on the methodology of science / transl. from English and German; general ed. and intro. art. I.S. Narsky. M., 1986. P. 308, 310 (in Russ.).
19. *Frolova E.A.* Theoretical and legal sciences: the unity of the task with a variety of methods // *State and Law*. 2020. No. 4. P. 41 (in Russ.).
20. *Heidegger M.* Being and time / transl. from German and note by V.V. Bibikhin. M., 1997. P. 9 (in Russ.).
21. *Khazoeva N. O., Khaziev A. K., Klyushina E. V., etc.* Marxism in the modern world: social-philosophical analysis // *Utopia y praxis latinoamericana*. 2019. No. 24 (1). P. 51–56.

Сведения об авторе

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18; УВО «Университет управления «ТИСБИ»; 420012 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, д. 13
ORCID: 0000-0002-4748-9195

Authors' information

STEPANENKO Raviya F. — Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Kazan (Volga Region) Federal University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; University of Management «TISBI»; 13 Mushtari str., 420012 Republic of Tatarstan, Kazan, Russia